

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Красникова Сергея Васильевича (диакона)

«Религиозно-нравственная проблематика в творческом наследии М.

М. Пришвина», представленной на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие)

Актуальность представленной к защите диссертации С. В. Красникова более чем очевидна. Она определяется, по крайней мере, двумя важнейшими для гуманитарных исследований факторами.

Во-первых, существует острая потребность в разработке адекватных подходов к изучению духовной составляющей русской литературы, которые бы предполагали методологически продуманную соотнесенность богословского и собственно филологического прочтения художественного творчества. Безусловно, в этом направлении многое уже сделано, но существует целый ряд проблем, требующих теоретического осмысления и практического разрешения. В частности, к таким проблемам, например, относятся проблемы критериев оценки произведений с выраженной религиозной тематикой. Как сочетать в исследованиях такого рода филологическую проницательность и догматы православного вероучения, чтобы не было механического подверстывания художественного явления под богословские параметры? В какой степени следует опираться на святоотеческую традицию понимания творчества, если мы обращаемся к авторам, «духовной жаждою томимым»? И в этом плане работа представляет несомненную ценность как попытка в практике анализа ответить на подобные и другие вопросы.

Во-вторых, судьба М. М. Пришвина, его непростой путь к принятию, к сожалению, редуцированному, частичному, православного вероучения чрезвычайно поучительны в современном мировоззренческом контексте. Этот путь, запечатлевший все взлеты и падения духовных исканий

интеллектуалов и художников модернистской эпохи, а также выходцев из этой эпохи, может многое прояснить в понимании серьезного вопроса об отношении интеллигенции, прошлой и нынешней, к Русской Православной Церкви как хранительнице духовных традиций нашего народа. Диссертация содержит огромный материал для размышлений в подобном ключе.

Впечатляет обширнейший и разноплановый корпус текстов, с которым работает диссертант. В своем исследовании он задействует практически все наследие М. М. Пришвина, давая ему системную богословскую оценку. В этом безусловная **научная новизна** работы, отличающейся от многих исследований, которые строятся на сопоставлении отдельных параметров, тем, образов религиозно окрашенных произведений с христианской онтологией и аксиологией.

Такой подход, безусловно, требует продуманной методологии. И, с одной стороны, понятно, стремление С. В. Красникова детально ее обосновать. Но, с другой – дробление методов исследования на: описательный, социологический, психологический, психоаналитический, формальный, биографический, герменевтический, аксиологический, культурологический (Дис. стр. 18–21) – представляется избыточным. В таком дроблении – смешение и наложение многих исследовательских стратегий, связанных, к примеру, с конкретно-историческим подходом к интерпретации текста, с проблемно-тематическим его прочтением или системно-целостным, включающим, в том числе, и онтологию и аксиологию рассматриваемых авторских миров. После всего перечисленного обозначен, как мне думается, основополагающий – богословский метод в том понимании, какое обосновано в работе.

Вместе с тем серьезное, вдумчивое освоение наследия М. М. Пришвина, я бы сказала, феноменологическое вхождение в мир писателя с постижением самых тонких его смысловых нюансов, которые демонстрирует автор диссертации – это, с методологической точки зрения, большая удача. Перед нами конкретный пример состоявшегося диалога,

субъект-субъектного метода научного познания. От глубокого постижения мира другого диссертант переходит к позиции «внеаходимости» и дает оценку этого мира, убедительно ее аргументируя с четкой и последовательной опорой на православную систему ценностей. Этого не скажешь о герое диссертации, который в своем познании христианства и религиозной жизни в России так во многом и остался сторонним наблюдателем со своими искаженными представлениями, не стремясь постичь христианство/ православие изнутри.

Диссертация логично выстроена. Она включает три главы, в первых двух исследуется содержание духовных поисков Пришвина, его сложное отношение к Русской Православной Церкви, третья глава посвящена этической системе писателя. Целесообразна и оптимальна методика рассмотрения пришевских сочинений – от прямого слова в дневниках и публицистике к художественному воплощению тех или иных религиозных идей и проблем. Не удастся избежать повторов, но в целом, такой подход структурировать разнороднейший материал представляется убедительным. Подобный алгоритм позволяет – наряду с широким охватом теоретических источников и прозаического творчества – достичь системности осмысления проблемы и **достоверности** полученных результатов. Кроме того, анализ художественных произведений как некая завершающая фаза в интерпретации понимания Пришвиным религиозной и этической проблематики включается в объемный исторический, биографический, культурный контекст, обретая большую убедительность и концептуальность. Следует заметить, что в целом ряде случаев Пришвин-художник в образном постижении религиозных аспектов жизни становится более прозорливым и тонким, нежели Пришвин-теоретик и Пришвин-автор дневников («У стен града невидимого», «Журавлиная родина», «Кладовая солнца» и др.).

В первых двух главах автор диссертации оперирует понятиями *богоискательство* и *религиозное диссидентство* как характеристиками

сугубо личного опыта исследуемого автора. Такой вывод акцентируется и в заключении. Но мы ведь знаем, что так названы и определенные направления общественной мысли в России. Безусловно, есть ссылки на Л. Н. Толстого (очень коротенькая), В. В. Розанова (попространнее), РФО и Д. С. Мережковского, некоторых других современников и предшественников (А. К. Горского, Н. Ф. Федорова, теолога Ф. Шлейермахера, свящ. П. Флоренского, в поздний период – прп. Исаака Сирина и др.), но все-таки не вполне понятно, насколько вписывается Пришвин со своими размышлениями в контекст этих направлений, особенно *религиозного диссидентства*. А если иметь в виду его увлечения марксизмом, остался ли он вне такого направления, как *богостроительство*? И как соотносятся богоискательство и религиозное диссидентство, если в главе о диссидентстве С. В. Красников снова апеллирует к богоискательству: «Отдельно проблему богоискательства и поиска «живого» Христа М. М. Пришвин затрагивает в рассказе «Саморок» (дис., с. 164). Думается, этот вопрос прояснил бы более системный анализ круга чтения писателя, тех источников, из которых он черпал идеи на разных этапах своего пути. (на стр. 120 диссертации говорится об изучении Пришвиным христологии в 1911 г. – источники такого изучения не указаны и др.).

Что касается содержания этих глав, то необходимо отметить последовательность, обстоятельность, скрупулезность, с которыми автор диссертации разбирается в метаниях Пришвина от пантеизма к «черному» карающему Богу, от восточным представлений о божествах к Святой Троице с предпочтениями той или иной Ее Ипостаси. С. В. Красников погружается в прихотливую диалектику пришвинской мысли со всеми ее смысловыми и интонационными нюансами. В том, например, как анализируются этнографические очерки 1910-х гг., связанные с посещением православного монастыря, старообрядческих и сектантских общин, точно считывается критическое отношение автора к православию, староверчеству, сектантам. Это осуществляется не только через прямые

авторские оценки, но и через пейзаж, передающий атмосферу темного, враждебного, портреты, часто с негативной семантикой, приведенные реплики из диалогов. В подобных описаниях транслируется взгляд интеллигента, отчужденного от жизни в Церкви и православной традиции, интеллигента с невыработанным духовным иммунитетом, невыработанными критериями оценки собственных впечатлений. Между тем столь подробные описания жизни старообрядцев, а также различных сект представляют ценность как примеры литературы свидетельства, как документ эпохи.

Обращаясь к художественным текстам, С. В. Красников опирается на методику филологического проблемно-тематического анализа с элементами структурного, что, безусловно, обогащает в целом теологическое исследование адекватными материалу формами интерпретации.

Третья глава посвящена исследованию этических взглядов писателя. Трудно назвать эти взгляды системой, скорее это сложная, во многом противоречивая совокупность представлений, сочетающая в себе влияния самых разных ценностных систем и традиций – от христианства до евгеники и апологии телесной любви. Анализ ведется тщательно и корректно, диссертант избегает крайних оценок и суждений, что и позволяет ему сделать верные выводы об эклектичности представлений Пришвина о нравственности. Поучительно для понимания мировоззренческой подоплеки исторических событий и современности в его взглядах модернистское размывание границ добра и зла, соединение прозрений об антихристианской природе революции 1917 г., включающее писателя в ряд Тютчева («Россия и Революция»). Достоевского и др., и превратное, стереотипное отношение к православной аскетике.

Поясняя тот или иной этап пути духовных исканий Пришвина, диссертант, что вполне логично, обращается к историческому контексту (Первая мировая война, революция 1917 г., Великая Отечественная война и др.) и фактам личной биографии Пришвина. Однако этот путь исследуется

не только в соотношении с историческим и биографическим материалом, но и проблематизирован – с выделением ключевых проблем, вокруг которых разворачивается пришвинская мысль («от пантеизма к христианству»; богоискательство; «молитва как средство связи с неведомым «божеством»; антицерковность; религиозное диссидентство; «особенности авторского восприятия эсхатологии»; «специфика авторского восприятия любви»; «категории добра и зла в нравственном поле»). И это, с одной стороны, – научно продуктивно, позволяет достичь системности в изучении темы, но, с другой, – ведет к повторам, которые затрудняют восприятие того, о чем пишет диссертант. Такому затруднению, как ни парадоксально, способствуют и пространные выводы к каждому параграфу. Несколько снижается /тормозится динамика научной мысли.

Вместе с тем высказанные частные замечания, как и сформулированные ранее вопросы не снижают научной ценности диссертационного исследования.

Теоретическая и практическая значимость проделанной работы вполне очевидны. Как справедливо указывает диссертант, «результаты работы позволяют осмыслить творчество писателя в новом религиозно-нравственном ракурсе, определить, как оно соотносится с вероучением Православной Церкви и нормами христианской морали...» (автореф. стр. 11). Результаты диссертации могут быть задействованы в практике вузовского преподавания, в том числе, в разработке спецкурсов междисциплинарного характера, сочетающие богословские и филологические аспекты рассмотрения явлений литературы.

Работа С. В. Красникова – самостоятельное, оригинальное и завершённое исследование.

Диссертация прошла достаточную апробацию на 3 научных конференциях и в 4 статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

